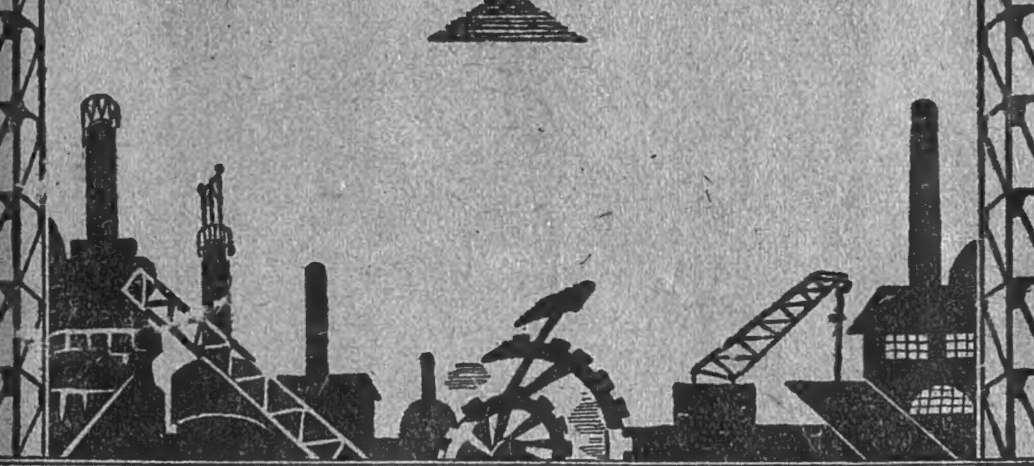
Бухарин.
Ленин, как марксист

ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Маркспет. Н. БУХАРИН

ЛЕНИН КАК МАРКСИСТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
19 — ЛЕНИНГРАД — 25

ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. БУХАРИН

ЛЕНИН КАК МАРКСИСТ

(Доклад на торжественном заседании Коммунистической Академии 17-го февраля 1924 г.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД • 1925

Госуд. тип. им. Ивана Федорова. Ленинград, Звенигор., 11

Гиз 10486. Ленинградский Гублит № 19321. Тираж 50.000 экз.

В довольно широких кругах и нашей партии, да и за ее пределами обычно считается бесспорным, что Владимир Ильич представлял из себя несравненного и гениальнейшего практика рабочего движения; что же касается его теоретических построений, то оценка здесь обычно делается гораздо более низкая. Мне кажется, что теперь уже пора произвести в этом пункте некоторую небольшую, а, может быть, и даже очень большую, ревизию. Мне кажется, что эта недостаточная оценка тов. Ленина, как теоретика, обусловливается известной психологической аберрацией, которая создается у нас всех. То теоретическое, что сделал тов. Ленин, у него не сконденсировано, не спрессовано, не преподнесено в нескольких закругленных томах. Теоретические положения, формулировки, обобщения, которые давал тов. Ленин — делались в значительной мере, на 9/10 от случая к случаю. Они разбросаны по всем многочисленным томам его сочинений и, само собою разумеется, что именно потому, что они разбросаны, именно потому, что они не преподнесены нашей читательской публике в сжатом, закругленном, уточненном виде, — именно поэтому очень многие считают, что тов. Ленин, как теоретик, в значительной мере уступал Ленину... практику. Но эта мысль, я думаю, будет разбита в течение ближайшего будущего, а в течение более отдаленного будущего тов. Ленин встанет перед нами во весь свой рост не только,

как гениальнейший практик рабочего движения, но и как гениальнейший его теоретик. Я приведу один маленький примерчик, если это мне будет разрешено, из своей собственной работы, из своей собственной теоретической практики, если можно так выразиться. Мне случилось в одной из своих статей довольно подробно разработать вопрос о том, какое большое принципиальное отличие существует между вызреванием социалистического строя внутри капиталистической системы и вызреванием капиталистического строя внутри феодального общества. Потом соответствующие положения, которые я опубликовал в журнале „Под знаменем марксизма“, стали встречаться в целом ряде работ юридического, общеполитического и всякого иного порядка с большей или меньшей степенью теоретической заостренности. Но после того, как я эту статью написал и совершенно искренно считал, что здесь, в этой маленькой теоретической области, под определенным разрезом, сказано некоторое новое слово, которое раньше не говорилось, — я увидал, что все это заключается буквально в 4-х строках одной из речей Владимира Ильича, произнесенных им на 7-м съезде нашей партийной организации, во время прений по Брестскому миру. Я думаю, что те из нас, которые занимаются и будут еще заниматься теоретической работой и которые будут теперь под несколько другим углом зрения прочитывать сочинения Владимира Ильича, — они, несомненно, откроют в этих сочинениях целый ряд вещей, мимо которых мы ранее проходили, которые оставались для нас незаметными и теоретическую обширность которых мы не понимали. Ленин еще ждет, как теоретик, своего систематизатора, и впереди, когда эта работа будет проделана и когда все то новое,

что дал тов. Ленин, в бесконечном количестве разбросанного и рассеянного по его сочинениям, примет систематизированную форму, — Ленин станет перед нами во весь свой гигантский рост и как гениальный теоретик рабочего коммунистического движения. Задача моего доклада и заключается в том, чтобы наметить некоторые вехи, которые могли бы служить толчком для дальнейшей работы по изучению Владимира Ильича — как теоретика-марксиста.

Марксизм эпохи Маркса и Энгельса.

Марксизм, как всякая доктрина, как всякое теоретическое построение — и в чисто теоретической, и в теоретико-прикладной области, — представляет из себя некоторую живую величину, которая развивается и изменяется. Он может изменяться таким образом, что количественная сторона этих изменений переходит в качественную, он может, как и всякая доктрина, вырождаться при определенных общественных условиях, но он не находится в одном и том же состоянии, и мне кажется, что теперь, в тот период, в который мы живем, уже совершенно ясно наметилось, что марксизм пережил три большие ступени в своем историческом развитии. Эти три ступени исторического развития марксистской идеологии или марксизма соответствуют трем большим отрезкам в истории рабочего движения, которые, в свою очередь, связаны с тремя крупными эпохами в развитии вообще человеческого общества, европейского общества в первую голову. Первая фаза марксистского развития — это есть марксизм, как он вылился, как он сформулирован самими осново-

положниками научного коммунизма — Марксом и Энгельсом. Это есть марксизм марксовский — в собственном смысле этого слова. Социальная подкладка для этого марксизма была отнюдь не органической и отнюдь не мирной эпохой в европейском развитии. Это была эпоха, когда Европа переживала целый ряд потрясений, эпоха, которая нашла свое наиболее яркое выражение в революции 48 года.

Главный материал для теоретических обобщений и то, что с социальной стороны дало заряд революционным формулировкам, именно и коренились в условиях катастрофического характера европейского развития; и эпоха, в которую возник марксизм, дала совершенно своеобразную физиономию этому великому пролетарскому учению, наложив печать и на логическую конструкцию марксизма этой эпохи. Мы, совершенно ясно можем проследить те основные линии, которые, как я выразился здесь, дали революционный заряд марксизму Маркса и Энгельса: в первую очередь, соединение громаднейшей силы абстракции теоретических обобщений с революционной практикой. Вы знаете, что на наиболее высокой ступени теоретической абстракции, в своих тезисах о Фейербахе, Маркс выставил положение, которое нам всем известно, что философы до сих пор объясняли мир, а речь идет о том, чтобы этот мир изменить. Само собой понятно, что эта практическая, актуальная струя в марксизме Маркса и Энгельса имела свою социальную подкладку. Затем вся теория Маркса имела резко выраженный ниспровергательный характер, она была глубоко революционна по самому существу своему, начиная от верхних этажей идеологического построения и кончая практи-

чески-политическими своими выводами. И в области чисто теоретической, и в области прикладной теории все содержание этого марксизма было глубоко революционным. Вы все знаете, что на вопрос о том, что составляет душу марксистского учения, Маркс отвечал вопреки очень многим, — когда я говорю очень многим, я подразумеваю даже и тех, которые сейчас считаются марксистами, — Маркс отвечал вопреки очень многим, что его учение состоит не в учении о классовой борьбе, потому что это было известно и до него, а его учение состоит в том, что общественное развитие неизбежно приводит к диктатуре пролетариата. Можно сказать, что та формулировка, которая обычно дается марксизму, именно, что марксизм—это есть алгебра революции, эта формулировка была для марксизма эпохи Маркса и Энгельса совершенно правильна. Это была чудесная машина, которая служила великолепнейшим орудием для ниспровержения капиталистического режима во всех своих, повторяю, теоретических звеньях и во всех звеньях своих практических и политических выводов.

„Марксизм" эпигонов.

Вот это была первая фаза развития марксизма, его первое, если можно так выразиться, историческое лицо. Но вы отлично знаете, что дальше начинается другая эпоха и другой марксизм. Этот другой марксизм можно было бы назвать марксизмом эпигонов, или марксизмом II Интернационала. Само собой разумеется, что переход от этой линии марксизма, от линии марксизма Маркса к марксизму эпигонов, не произошел катастрофически.

Это был эволюционный процесс, и эта эволюция идеологии рабочего движения имела своей основой, имела своей базой ту эволюцию, которую переживал, в первую очередь, европейский, а за ним и весь мировой капитализм. В первую очередь, повторяю, европейский. После революции 48 года наступила относительная устойчивость капиталистического режима и начался цикл органического развития капитализма, который свои катастрофические особенности и свои наиболее яркие противоречия отодвинул на свою колониальную периферию. В основных узлах растущей крупной промышленности мы имели процесс органического роста производительных сил с относительным процветанием рабочего класса. На этой социально-экономической почве мы имели и соответствующую политическую надстройку—консолидированные национальные государства, „отечества". Буржуазия совершенно прочно сидела в седле. Началась империалистическая политика, которая особенно резко начала проявляться, примерно, в 80-х годах прошлого столетия; на базе повышения жизненного уровня рабочего класса, выделения и быстрого прогресса рабочей аристократии, наметился прогресс медленного врастания рабочих организаций, внутренно, идеологически перерождающихся в систему общего капиталистического механизма, который находил свое главное выражение, свое наиболее рациональное выражение в своей политической головке, то-есть в государственной власти господствующей буржуазии. Вот этот процесс и послужил фоном, почвой для перерождения господствующей идеологии рабочего движения. Идеология, как известно, отстает от практики. Поэтому есть известная неслаженность

между развитием марксизма в идеологической области и развитием марксизма в области чисто практической. Марксизм в двух своих основных формах стал перерождаться. Наиболее яркую формулировку тенденции перерождения дало ревизионистское течение внутри германской социал-демократии. Поскольку речь идет о точных теоретических формулировках, мы в других странах не имеем более классического образца, несмотря даже на более решительное перерождение. В силу целого ряда исторических условий, в анализ которых я здесь входить не могу, там эта практика не получила достаточно ясных и точных формулировок, которые она получила в наиболее, если можно так выразиться, мыслящей стране. В Германии ревизионистское течение совершенно ясно уже сигнализировало и не только сигнализировало, но очень полно выразило отход от того марксизма, который был свойствен Марксу и Энгельсу и всей предъидущей эпохе. Гораздо менее ясен был отход от марксизма другой группировки, которая называлась радикальной, или ортодоксально-марксистской, с Каутским во главе. Мне уже приходилось по этому поводу высказываться в другом месте, и я лично считаю неправильным вгляд, что падение германской социал-демократии и Каутского начинается и датируется с 1914 года. Мне кажется (теперь мы можем это утверждать), что уже давным-давно, хотя и не с такой поспешностью, как у ревизионистов, у этой группировки в среде германской социал-демократии, которая долгое время задавала тон всему Интернационалу, мы совершенно ясно можем видеть отход от настоящего ортодоксального, от действительно революционного марксизма, как он был сформулирован Марксом и

Энгельсом в предыдущую фазу развития рабочей идеологии.

Повторяю, в начале этого периода имелась известная несслаженность между теорией и практикой. Наиболее далеко идущие идеологи ревизионистского пошиба слагали практику германских с.-д., выработав соответствующую теорию. Другая часть с.-д. упиралась еще в своих теоретических формулировках, не будучи в силах, да и не очень пытаясь, практически преодолеть эти вредоносные тенденции. Такую позицию занимала группа Каутского. Но в конце этого периода, когда история поставила ребром целый ряд самых принципиальных и существенных вопросов, — я говорю о начале всемирной войны, — тогда оказалось, что и практически и теоретически между этими крыльями нет никакой существенной разницы. По сути дела эти два крыла — ревизионизм и каутскианизм — выражали одну и ту же тенденцию вырождения марксизма, тенденцию приспособления, в худом смысле этого слова, к тем новым социальным условиям, которые нарождались в Европе и которые были свойственны этому циклу европейского развития, — они выражали одну и ту же теоретическую струю, которая шла прочь от марксизма в его настоящей и действительно революционной формулировке. С общей точки зрения, можно характеризовать эту разницу таким образом, что ревизионистский „марксизм“ в его чистом виде — это стало наиболее ясным в последние годы, — что этот ревизионистский „марксизм“ в его чистом виде, или марксизм в кавычках, приобрел резко выраженный фаталистический характер по отношению к государственной власти, капиталистическому режиму и проч., тогда как у Каутского и его группы мы

имеем такой марксизм, который можно было бы назвать демократически-пацифистским. Эта грань условна, она стала за последние годы все более и более стираться, эти течения стали итти по одному и тому же руслу, которое все более и решительнее шло в сторону от марксизма. Суть этого процесса заключается в вышелушивании революционной сущности марксизма, в замене революционной теории марксизма, революционной диалектики, революционного учения относительно краха капитализма, революционного учения относительно развития капитализма, революционного учения о диктатуре и т. д., замене всего этого обычным буржуазным демократически-эволюционным учением. Можно было бы показать подробно, как этот уклон очень ярко проявился в целом ряде теоретических вопросов. Этот анализ, отчасти, я делал в речи, посвященной программе Коммунистического Интернационала на одном из интернациональных конгрессов. Этот ревизионистский уклон встречается у Каутского, совершенно сфальшивившего в теории государства и государственной власти; то же самое и у Плеханова, который был одним из „ортодоксальнейших". Наличие такого ревизионизма в теории государства делает совершенно ясным, почему и каутскианское крыло заняло буржуазно-пацифистскую позицию во время мировой империалистической войны. Настоящая марксова формулировка в области теории государственной власти— всем нам известна. Это учение можно выразить, примерно, таким образом. Во время социалистической революции происходит разрушение государственного аппарата буржуазии и происходит создание новой диктатуры—„анти-демократического" и в то же время пролетарски-демократического

государства, совершенно своеобразной и специфической формы государственной власти, которая потом начинает отмирать. У Каутского вы в этом пункте не найдете ничего подобного; и у Каутского, как у всех с.-д., марксистов в кавычках, у всех у них этот пункт освещается таким образом, что государственная власть есть нечто такое, что переходит из рук одного класса в руки другого, так же, как машина, которая была в руках одного класса, а потом переходит в руки другого класса, без того, чтобы этот новый класс разобрал все ее винтики и потом снова их складывал по-новому. Из этой же формулировки, теоретически чистой, из этого учения вытекает оборонческая позиция во время войны. Аргументацию, идущую по этой линии, можно было слышать десятки раз на специально-патриотических собраниях в начале войны, и эта чрезвычайно примитивная аргументация имеет со своей точки зрения некоторого рода логику. Само собою разумеется, что если данное буржуазное государство будет завтра в моих руках, то нечего его разрушать, а наоборот, его надо защищать, потому что завтра оно будет моим. Задача была поставлена совершенно по иному, чем у Маркса. Если государства нельзя разрушать, потому что оно будет завтра в моих руках, то нельзя дезорганизовать армию, потому что это есть составная часть государственного аппарата, нельзя нарушать никакой государственной дисциплины и проч. Все здесь слажено, и само собою понятно, что когда эти комплексы были поставлены под удары во взаимной борьбе, то и каутскианизм, германская с.-д., в полной солидарности со своими теоретическими предпосылками, сделали соответствующий практический вывод.

Повторяю, что неправильно считать, будто бы здесь мы имеем какое-то моментальное, катастрофическое грехопадение. Оно было теоретически вполне обосновано. Мы только не замечали этого внутреннего перерождения и в так называемом „ортодоксальном“ крыле, которое с действительной ортодоксальностью имело мало общего. То же самое можно было бы сказать на счет теории крушения капиталистического общества, на счет теории обнищания, на счет колониального и национального вопросов, на счет учения о демократии и диктатуре, на счет тактических учений, вроде учения о массовой борьбе и т. д. С этой точки зрения я бы рекомендовал всем товарищам прочесть известную классическую брошюру Каутского „Социальная революция“, которую мы читали, но теперь прочтем совершенно иными глазами, потому что сейчас в ней нетрудно открыть целый Монблан всевозможных извращений марксизма и оппортунистических формулировок, которые совершенно нам ясны. Если эти марксистские „эпигоны“ учитывали некоторые новые изменения в области капиталистического строя, в области соотношения между экономикой и политикой, если они под свою теоретическую лупу ставили какие-нибудь новые явления из области текущей жизни, — то они эти новые явления всегда по сути дела учитывали под одним углом зрения, под углом зрения *врастания рабочих организаций эволюционным путем в общую систему капиталистического механизма*.

Появилась, например, новая акционерная компания, — сейчас же они ее привлекали для объяснения того, что капитал демократизируется. Появилось на континенте улучшение положения ра-

бочего класса, — сейчас же из этого делались выводы, что, быть может, и революция не нужна, а мы мирным путем можем все сделать. Поскольку опирались на Маркса, то сейчас же хватились за целый ряд цитат, за отдельные вырывания из контекста положений и слов. Известно было, что Маркс сказал относительно Англии: „в Англии, может быть, дело обойдется и без кровопролития“. Это живо обобщалось всеми. Известно было, что Энгельс, однажды, сказал не особенно хорошие вещи относительно баррикадной борьбы. Из этого сейчас же делались все выводы в кавычках. Таким образом, все явления рассматривались под углом зрения врастания рабочих организаций в общую капиталистическую систему, под углом зрения, который можно условно назвать точкой зрения гражданского мира. От революционного марксизма отлетала и отлетела в конце концов его революционная сущность; случилось то, что очень часто бывает в истории, когда мы имеем те же слова, ту же номенклатуру, те же фразы, те же ярлычки, ту же символику и, повторяю, имеем совершенно иное социально-политическое содержание. В германской социал-демократии, которая в данном случае являлась образцом, еще сохранилась марксистская фразеология, еще сохранилась марксистская символика, еще сохранилась марксистская словесная шелуха, но не было совершенно марксистского содержания, осталась одна словесная оболочка от того учения, которое было выработано в эпоху социальных потрясений середины прошлого столетия. Революционная душа отлетела, и перед нами по сути дела было уже учение, которое соответствует оппортунистической практике германской социал-демократии, оппор-

тунистических рабочих партий, объективно переродившихся и подкупленных соответствующими национальными буржуазиями. Можно было бы даже построить своеобразную социально-политическую географическую карту степени подлости этих „марксистов". Чем больше страна в области мирового рынка, чем могучее она имела свои позиции, чем сильнее и чем больше империалистская политика велась данной страной и данной национальной буржуазией, чем больше и сильнее была рабочая аристократия, и чем крепче, более толстой цепочкой, был привязан рабочий класс данной страны к своей собственной буржуазии, к ее государственной организации,—тем оппортунистичнее и тем подлее были теоретические формулировки, хотя бы они и прикрывались марксистскими ярлычками. Повторяю, мы можем такую карту нарисовать, которая могла бы чрезвычайно хорошо иллюстрировать связь между социально-политическим развитием, с одной стороны, и сферой идеологического развития, в данном случае, идеологии рабочего движения, с другой.

Вот, товарищи, такова была *вторая* полоса в развитии марксизма. Физиономия этого марксизма представляется иной, чем марксизма Маркса и Энгельса. Как вы видите, здесь мы имеем совершенно иное социально-политическое образование, мы имеем совершенно другую идеологию, потому что мы имеем в значительной мере другую опору для этой идеологии. Этой опорой является рабочий класс наиболее грабительских империалистских государств, в особенности же рабочая аристократия этих могучих империалистских государственных тел. И когда этот процесс в области социально-политической получил наиболее классическое выражение, тогда мы стали

иметь наиболее классические формулировки, отходящие по всей линии от ортодоксального марксизма.

Марксизм Ленина.

Я подхожу теперь к вопросу относительно ленинизма. Мне рассказывали, что на одном из знамен Института Красной Профессуры написано: „Марксизм в науке, ленинизм в тактике, таково наше знамя". Мне кажется, это деление в высшей степени неудачно и отнюдь не соответствует „передовому авангарду на идеологическом фронте", как себя называют наши красные профессора, потому что так отрывать теорию от практики борьбы абсолютно нельзя. Если ленинизм, как практика, это не то, что марксизм, то тогда происходит тот именно отрыв теории от практики, который особенно вредоносен для такого учреждения, как Институт Красной Профессуры. Ясное дело, что ленинский марксизм представляет из себя своеобразное идеологическое образование по той простой причине, что он сам есть дитя несколько иной эпохи. Он не может быть простым повторением марксизма Маркса, потому что эпоха, в которую мы живем, не есть простое повторение той эпохи, в которую жил Маркс. Между той эпохой и этой есть нечто общее: и та эпоха не была органической эпохой, и эта эпоха еще в меньшей степени является органической эпохой. Марксизм Маркса был продуктом революционной эпохи. И ленинский марксизм, если можно так выразиться, является продуктом необычайно бурной и необычайно революционной эпохи. Но само собой понятно, что здесь так много но-

вого в самом ходе общественного развития, в самом эмпирическом материале, который дается как материал для теоретических обобщений, в тех задачах, которые ставятся перед революционным пролетариатом и, следовательно, требуют соответствующего ответа и соответствующей реакции, так много нового, что наш теперешний марксизм не есть простое повторение той суммы идей, которая была выдвинута Марксом.

Я этот вопрос разовью более подробно потом, чтобы здесь не было недоразумений в смысле противопоставления, потому что я отнюдь не хочу противопоставлять одно учение другому. Одно есть логическое и историческое завершение и развитие другого. Но я хотел бы раньше остановиться на тех новых фактах социально-экономической политики, которые являются базой для ленинского марксизма. В самом деле, что нового в этой области мы имеем перед собой, нового в том смысле, что эти явления были недоступны Марксу, потому что их просто не было в то время, в какое жил Маркс? Мы имеем, прежде всего, некоторую новую фазу в развитии капиталистических отношений. Маркс знал эпоху торгового капитала, который лежал за ним. Маркс знал промышленный капитал. Эпоха промышленного капитала считалась, можно сказать, классическим типом капитализма вообще. Вы отлично знаете, что только при Энгельсе начали образовываться такие вещи, как синдикаты и тресты. А целую новую стадию капиталистического развития с большой переорганизацией производственных отношений в капитализме, того, что Ленин обозначал, как монополистический капитализм,— сумму всех этих явлений, ясное дело, Маркс знать

не мог, потому что их не было, и по этой простой причине он не мог их выразить и обобщить.

Эти новые явления должны быть теоретически схвачены, и поскольку они теоретически схвачены, они представляют из себя дальнейшее звено в старой цепи теоретических рассуждений и положений. Все это — явления из области финансового капитала, из области империалистической политики этого финансового капитала. Вопрос о создании и сплочении мировых экономических организаций капитала и его государственной организации и целый ряд аналогичных вопросов, вытекающих из специфической структуры капитализма, как он выражен в последние годы XIX и в первые десятилетия XX столетия, — это все есть вопросы, которые не были известны Марксу и которые должны были подвергнуться теоретическому анализу. Вторая сумма вопросов, — это есть вопросы, связанные с мировой войной, с распадом капиталистических отношений. Как бы я сейчас ни оценивал степень и глубину распада капиталистических отношений, какой бы прогноз я ни ставил в этом отношении, как бы я ни оценивал в частности теперешнюю экономическую ситуацию в Западной Европе, как бы я ни говорил о глубоком кризисе или крахе, какую бы радикальную формулировку ни привести в ту или другую сторону, — все-таки совершенно ясно перед вами налицо такого рода явления, которых не было раньше. Ни государственного капитализма в общей специальной формулировке, ни связанных вместе с ним явлений, ни явлений распада и дезорганизации капиталистического механизма с совершенно специфическими явлениями в области социальной по всей линии, распада, начиная от производствен-

ного базиса и кончая явлениями из области денежного обращения, — всех этих явлений не было во времена основоположников научного коммунизма. Эти вопросы ставят перед нами ряд интереснейших и новых теоретических проблем, и само собою разумеется, что вместе с этими теоретическими проблемами необходимыми являются и соответствующие практические политические выводы, которые на них основаны и с ними связаны. Это другой род явлений, очень большой, делающийся эпохой, в известном смысле слова, явлений, которые не были известны ни Марксу, ни Энгельсу. Наконец, третий ряд явлений, которые связаны непосредственно с рабочими восстаниями в период краха капиталистических отношений, в период, который получается в результате громадного столкновения этих чисто капиталистических тел в их войнах, которые суть не что иное, как своеобразная форма их капиталистической конкуренции, особая формулировка, неизвестная тому времени и той эпохе, в которую жил и учил сам Маркс и его ближайшие единомышленники и друзья. Сейчас же эти вопросы непосредственно связаны с процессом социалистической революции, они тоже представляют из себя громаднейший социальный феномен, социальное явление совершенно объективного порядка, которое точно так же нужно теоретически изучить, которое имеет своеобразную закономерность, которое ставит перед нами целый ряд теоретических и практически-политических вопросов. Само собою понятно, что во времена Маркса можно было давать самые общие формулировки этого, а теперешний эмпирический материал дает громаднейшее количество всевозможных положений и явлений, которые подлежат

теоретической обработке. Вот это есть третий род явлений и связанных с ними вопросов и связанных с решением этих вопросов практически -политических выводов. Это есть третий род проблем и теоретических и практических, которые не были известны Марксу, потому что они не были известны вообще той эпохе. Наконец, есть еще четвертый ряд, который, стоит, как глыба, совершенно новых постановок вопроса, это ряд, связанный с эпохой, или началом эпохи господствующего рабочего класса. Как Маркс ставил вопрос? Я напомню марксовскую формулировку, которую я приводил: „Мое учение и его сущность состоит не в том, что речь идет о классовой борьбе, а в том, что оно неминуемо ведет к диктатуре пролетариата". Вот—это была граница. Когда эта диктатура пролетариата является уже фактом, то совершенно естественно, что дальше мы уже выходим за границу. Сущность марксова учения—это есть неизбежная диктатура пролетариата и только, и здесь остановка [1]). Иначе не могло быть в ту историческую эпоху, потому что пролетарская диктатура не была дана, как реальный факт, и сопутствующие ей явления не были даны, как материал чисто опытных явлений и наблюдений, которые могли бы быть теоретически обобщены и которые могли бы служить объектом теоретического анализа или практической реакции. Этого не было. Поэтому, само собою разумеется, что весь цикл этих громаднейших явлений представляется совершенно новым, ибо мы уже пришли к тому,

---

[1]) Парижская Коммуна была лишь намеком, послужившим для Маркса основой для ряда гениальных предвидений. Но разработать вопроса Маркс, конечно, не мог.

о чем Маркс сам сказал: для меня это грань. Теперь мы имеем ряд явлений, стоящих за этой гранью. Чем больше эти явления принципиально новые, тем более они должны являться принципиально новыми и теоретически; тем, следовательно, оригинальнее должна быть та концепция, которая включает в себя общее рассмотрение и этих явлений, принципиально новых для всех предыдущих эпох. Вот это есть 4-й разрез тех явлений социально-экономических, политических и всякого иного порядка, которые должны служить и объектом теоретического рассмотрения, и теоретически-систематизированных норм поведения со стороны рабочего класса. Я привел здесь 4 разреза. Само собою разумеется, что все они представляют из себя не что иное, как некоторую колоссальную эпоху в развитии не только европейского капитализма, но и вообще всего человеческого общества. Вся эта эпоха во всей ее сложности и конкретности представляет из себя такое колоссальнейшее богатство всевозможных проблем, и теоретических и практических, такое богатство, такую огромную махину этих проблем, что совершенно естественно, что тот ученый диалектик и практик, который соединяет разработку теоретических вопросов с практикой на этом эмпирическом материале, — он уже выходит за пределы того, чем был марксизм в его старой формулировке.

Здесь я должен остановиться на одном, чтобы не было недоразумения. Что мы можем подразумевать под марксизмом? Под ним можно подразумевать две вещи: или перед нами методология — система методов исследования общественных явлений, или это определенная сумма идей — скажем, мы сюда включаем теорию исторического материа-

лизма, учение о развитии капиталистических отношений и проч., и кроме того, включаем целый ряд конкретных положений, т.-е. берем марксизм не только как метод или теоретически-сформулированную методологию, но берем целый ряд конкретных приложений этого метода, всю сумму идей, которые получились в результате этого приложения. С последней точки зрения совершенно ясно, что ленинский марксизм есть поле гораздо более широкое, чем марксизм Маркса. Понятно, почему! Потому что к той сумме идей, которая была тогда, прибавилось колоссальное количество новых идей, связанных с анализом и с практикой — на основе этого анализа—совершнно новых явлений, совершенно новой исторической полосы, и в этом смысле это есть вывод за грань марксизма, в этом условном смысле слова. Но если мы под марксизмом будем подразумевать не сумму идей, какова она была у Маркса, а тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собою разумеется, что ленинизм не есть нечто видоизменяющее или ревизующее методологию марксового учения. Наоборот, в этом смысле ленинизм—есть полный возврат к тому марксизму, который был сформулирован самими Марксом и Энгельсом.

Так разрешаются, мне кажется, противоречия, которые в значительной мере базируются на смешении терминов, на том, что целый ряд терминов употребляется в различных значениях. Если теперь мы спросим себя, как же мы можем характеризовать в общем и целом историческое лицо этого ленинского марксизма, то, мне кажется, что его можно рассматривать как соединение, как синтез троякого порядка. Во-первых, это есть возврат к марксовой эпохе, но не просто возврат, а воз-

врат, обогащенный всем новым, то-есть это синтез марксизма Маркса со всеми приобретениями на основе применения марксизма; — мы можем его рассматривать как марксистский анализ всего колоссального нового, которое дает нам новая эпоха. Это—во-первых. Во-вторых, это есть соединение и синтез теории и практики борющегося и побеждающего рабочего класса, и, в третьих, это есть синтез разрушительной и созидательной работы рабочего класса, при чем последнее обстоятельство мне кажется наиболее важным.

Здесь я позволю себе по поводу этого третьего положения сказать несколько слов в его разъяснение. Ортодоксальный марксизм, то-есть революционный марксизм, то-есть наш марксизм, само собой разумеется, имеет перед собой разные практические задачи, в разные исторические эпохи, и соответственно этому идет и логический идеологический подбор, потому что практические задачи, в конечном счете, определяют и наши теоретические суждения и сцепления отдельных теоретических положений и звеньев в этой системе, в теоретической цепочке. Когда рабочий класс и когда революционная партия занимают положение борющихся за власть, то во всех решительно идеологических работах всюду и везде, мы должны неизбежно заострять, делать ударения, специально анализировать все противоречивые стороны, мы должны отмечать все основные неслаженности капиталистического общества, мы должны тщательно отмечать, подбирать и перестраивать в теоретическом ряду то, что разъединяет различные элементы этого общества. По той простой причине, что для нас практически важно,

как мне кажется, в эти щели вогнать наиболее остро и наиболее резко действующий клин. Перед нами задача разрушительная, нам нужно опрокинуть капиталистический режим, и поэтому, само собой разумеется, что в первую очередь подбор всех теоретических положений и звеньев идет именно по этой линии. Нам теоретически важно отмечать все противоречия, которые практически важны, их углублять, чтобы от общих теоретических положений они шли через промежуточные звенья, через наших агитаторов, дальше, потому что здесь перед нами основная разрушительная, ниспровергательная задача. И весь характер всех теоретических сочинений Маркса был по этой линии построен. Когда рабочий класс встает у власти, перед ним встает задача склеивания различных частей общего целого под определенной гегемонией рабочего класса. Практический интерес представляет целый ряд вопросов, которые раньше интереса не представляли, которые теперь должны поэтому быть в гораздо большей степени осмыслены. Мы должны сейчас не разрушать, а строить. Это совершенно другой аспект, совершенно другой угол зрения. Я думаю, что каждый из нас, когда он сейчас читает целый ряд вещей, или даже делает целый ряд наблюдений над текущей жизнью, скажет, что у него получается совершенно иной аспект на те же самые явления, на которые он раньше смотрел другими глазами, по той простой причине, что раньше практически он должен был разрушать какой-нибудь определенный комплекс, а теперь он должен его построить, так или иначе склеить. Вот почему мне кажется, что эта струя находит себе соответствую-

щее теоретическое отражение и теоретическое выражение в целом ряде вопросов, относящихся к этому порядку проблем. Они не ставились раньше, в эпоху первой формулировки марксова учения, формулировки, которую делал сам Маркс. В эпоху II Интернационала они ставились под углом зрения врастания в буржуазное государство, и так как они ставились под углом зрения врастания в буржуазное государство, то-есть поскольку социал-демократические оппортунистические партии ставили своей задачей мирное культурное строительство не для опрокидывания капиталистического режима, а для приспособления и молекулярно-эволюционной переделки этого капиталистического режима, ясное дело, что эти зачатки теории „строительства" встречали враждебное отношение у нас, марксистов-революционеров. Ибо все это обобщалось под углом зрения врастания в капиталистическое государство, врастания организаций в механизм капиталистического аппарата, который мы ставили своей целью разрушить. Но диалектика истории такова, что когда мы стали у власти, то, совершенно ясно, что для нас стал необходим другой аспект как практический, так и теоретический. Ведь, нам надо, с одной стороны—разрушить, а с другой—построить. Мы должны были поставить перед собой ряд таких вопросов, которые бы нам дали синтез этого разрушения старого и построения нового и синтез этих аспектов — в некотором едином целом. Вот, с этой точки зрения, поскольку дело идет о теоретических обобщениях, Владимир Ильич этот синтез дал. Здесь чрезвычайно для нас трудно сформулировать общие основные положения из этой области, потому что здесь опять-таки мы

имеем перед собой целый ряд отдельных замечаний, разбросанных по всем решительно томам сочинений Владимира Ильича, и особенно, в его речах и пр., но совершенно ясно, что это есть самое новое, самое значительное в том, что дал ленинизм, как теоретическая система, в дальнейшем развитии марксизма. Может быть, конечно, было очень много сделано в областн теоретического подбора по разрушительной линии, но в области созидательной здесь было очень мало точек опоры в прежних формулировках Маркса. Здесь также нужно было строить заново, и поэтому, мне кажется, что самое большое и самое великое, что внес в теоретическую и практическую сокровищницу марксизма тов. Ленин, можно формулилировать таким образом, что у Маркса была, главным образом, **алгебра** капиталистического развития и революционной практики, а у Ленина есть и эта алгебра, и алгебра **новых** явлений и разрушительного и положительного порядка, и **их арифметика**, то-есть расшифровка алгебраической формулы под более конкретным и под еще более практическим углом зрения.

Теория и практика у Ленина.

После этих общих замечаний я хотел бы остановить ваше внимание на целом ряде некоторых черт и черточек, и теоретического и практического порядка, которые будут иллюстрировать вышеизложенные положения. Мне кажется, что то обстоятельство, что Ленину приходилось свои теоретические положения формулировать разбросанно,— это обстоятельство связано, конечно, с ярко выраженным преобладанием практики во всей дея-

тельности Владимира Ильича, что, в свою очередь, связано с нашей эпохой, которая по существу, есть эпоха действия. Действовать можно хорошо тогда, когда теория представляет в ваших руках некоторый инструмент, некоторое орудие, которым вы в совершенстве владеете, и когда теоретическая система и теоретическая доктрина не представляет из себя того, что тяготеет над вами и что вами владеет. В одной из речей, не помню в какой—я выразил это таким образом, что Владимир Ильич владел марксизмом, а не марксизм владел Владимиром Ильичем. Этим я хотел сказать, что одна из самых характерных черт у Владимира Ильича, одна из самых любопытных черт—заключалась в осознании практического смысла каждого теоретического построения и любого теоретического положения. Очень часто мы между собой иногда даже подтрунивали над слишком практическим отношением Владимира Ильича к целому ряду теоретических вопросов, но, товарищи, теперь, когда мы уже много лет варились в революционном котле и когда мы очень многое успели увидеть и испытать, мне кажется, что это наше подтрунивание целиком должно быть обращено против нас самих, потому что в этом сказалось не что иное, как опять-таки та же самая наша привычка, привычка интеллигентов, определенных узких специалистов: журналистов, литераторов или людей более или менее занимающихся теорией, как своей собственной профессией. Точно так же, как Владимир Ильич не любил всяких словесных выкрутасов и ученостей специфических, — что иногда нам тоже не совсем нравилось, а он над нами издевался,—точно так же, он терпеть не мог ничего лишнего

и чисто практически относился к теоретическим концепциям и доктринам. Имеют ли они какой-нибудь иной смысл, кроме практического? С точки зрения марксизма ясно, что никакого другого смысла они не имеют, Но в силу того, что мы были до известной степени специалистами, это претило нашей душе, и в этом отношении Владимир Ильич уходил в будущее в гораздо большей степени, чем все мы, грешные, потому что для него было органически противно то, что для нас имело известную притягательную силу. И вот, мне кажется, что это осознание, совершенно продуманное, это осознание служебной роли всяческих теоретических построений, как бы высоки они ни были, это есть необычайно ценная и положительная черта ленинского марксизма.

С этим связана другая любопытная черта, которую без первой никогда нельзя было бы понять, это черта, которую можно было бы назвать дефетишизированием, срыванием всяческой фетишистской оболочки с какого угодно положения, догмата и т. д. Мы очень часто поражались вначале, с какой необычайной смелостью Владимир Ильич ставит некоторые теоретические или практические проблемы. Вспомните вы такие этапы, как Брестский мир, когда Владимир Ильич ставил вопрос о том, что можно у любой иностранной державы брать оружие против другой; это возмущало нашу интернациональную совесть до глубины души, при чем наш „интернационализм“ покоился на теоретическом непонимании того, что, когда мы взяли власть, вся конфигурация изменилась. Вспомните лозунг — учитесь торговать, который мозолил глаза очень многим и хорошим революционерам, и который тоже имел теоретическую под-

кладку и был связан с целым рядом теоретических положений. На такую теоретическую смелость, связанную с этой практикой, мог быть способен только такой человек, идеолог, теоретик и практик, который сам владел необычайно острым оружием марксизма, но в то же время никогда не понимал марксизма, как некоторую застывшую догму, а, как инструмент ориентации в определенной среде, человек, который отлично понимал, что всякое новое внешнее соотношение обязательно должно иметь за собой иную реакцию поведения со стороны рабочей партии и со стороны рабочего класса. В самом деле, посмотрите, как формулировал Владимир Ильич это положение в общей форме. Я абсолютно не хотел бы утруждать вас цитатами и не принес с собой никаких выписок и не работал даже над ними; но я вспоминаю целый ряд моментов и формулировок, которые давал Владимир Ильич. Одна из его самых общих тактических формулировок на счет опыта, гласит: „Очень большое количество ошибок заключается в том, что лозунги, мероприятия, которые были совершенно правильными в определенную историческую полосу и при определенном положении вещей, механически переносятся на иную историческую обстановку, на иное соотношение сил, на другое положение вещей“. Это одна из общих тактических формулировок. Рассмотрим идеологию наших противников, — мы берем такой вопрос, как вопрос о демократии. И мы все были в определенный период демократами, все мы требовали демократической республики и Учредительного собрания за несколько месяцев до того, как мы его разгоняли.

Естественно. Но, тем не менее, только те могли перейти к другой ориентации, кто понимал относительную общественную роль этих лозунгов, кто понимал, что при капиталистическом режиме мы не можем выставить по отношению к капиталистам требования — закройте ваши капиталистические организации и дайте свободу нашим рабочим организациям в пределах капиталистического режима, — и поэтому свобода для наших рабочих организаций неизбежно должна была принимать формулировку: „свобода для всех". И когда мы переходим в другую историческую полосу и ситуацию, то мы должны отказаться от этой формулировки. Кто остановился на этом, кто это фетишизировал, тот не поспел за ходом вещей и был по другую сторону баррикады. Это один из маленьких примеров, но их число велико до бесконечности. Владимир Ильич в этом отличался совершенно изумительной смелостью.

Возьмем другой вопрос в общей формулировке. Я говорил здесь относительно аспекта, угла зрения эволюционности, после того, как мы произвели революцию. Возьмите такие лозунги Владимира Ильича, как — „учитесь торговать", — или: „один спец лучше стольких-то и стольких то коммунистов". Теперь нам ясен практический смысл этих лозунгов. Они были совершенно правильны, но для того, чтобы эти вещи говорить, для этого, совершенно ясно, нужно было теоретическое продумывание. Поскольку обстановка изменилась, нужно действовать совершенно по другому. Сейчас таково соотношение между идеологией наших коммунистов и, с другой стороны, необходимостью привлекать не-коммунистов, что тут нужно было вести совершенно новую и своеобразную линию

строительного характера. Если раньше для всякого революционера слово „торгаш“, „торговля“, „банк“ и пр. звучали как самые оскорбительные слова, то для того, чтобы перейти к лозунгу „учитесь торговать“, нужно было глубочайшее продумывание целого ряда теоретических основ, целого ряда теоретических вопросов крупнейшего принципиального значения. То, что только сейчас для нас представляется само собой разумеющейся вещью, то, ведь, у Ленина было теоретически продумано до самых мелочей. Ведь, это только вульгарному поверхностному сознанию наших противников кажется, что Владимир Ильич был человеком, вырубленным топором, чем то вроде статуэтки эпохи каменного века. На самом деле это абсолютная неправда. Если тов. Ленин бросал какие-нибудь упрощенные лозунги вроде „грабь награбленное“, что звучало необычайно ужасно и варварски для всех наших „цивилизованных“ противников, то, ведь, это было на самом деле результатом глубокого теоретического продумывания того, какой сейчас нужно лозунг бросить, какова массовая психология сейчас, что масса поймет и чего не поймет. Ленин всегда ставил вопрос, как можно получить смычку с максимум народа, с максимум людей, которые могут сыграть роль известных энергетических величин, брошенных против старого режима. Это требовало очень сложного теоретического „обмозговывания“. И когда Ленин говорил — нужно учиться торговать — это звучало очень парадоксально. А теперь это кажется нам само собой разумеющимся. Каждый серьезный шаг Владимира Ильича в области теоретической и в области практической был своего рода постановкой колумбового яйца. Когда яйцо было Колумбом поставлено, тогда ясно стало, что

оно могло быть поставлено только так. Вот, этот лозунг — учитесь торговать, опирается на целый ряд теоретических обработок и решений теоретических вопросов, вопроса о соотношении города и деревни, вопроса о роли процесса обращения, — вообще, вопроса о роли торгового аппарата в этом процессе обращения. Это был не взятый с потолка лозунг, это была просто лозунговая практическая формулировка целого ряда теоретических положений, которые были продуманы звено за звеном. Только тогда, когда начнете читать один том за другим и подбирать по определенным разрезам мысли Владимира Ильича, только тогда перед вами вырисовывается вся картина того идеологического пути, по которому шел Владимир Ильич, разрабатывая эти вопросы. Все эти большие повороты, которые так удачно Ленин делал, как стратег, он мог делать только потому, что он был крупнейшим теоретиком, который совершенно ясно мог анализировать данное сочетание классовых сил, учитывать их, делать теоретические обобщения, из этих теоретических обобщений делать соответствующие практически - политические выводы. В основе основ здесь лежало мастерское владение марксистским оружием, которое никогда не застывало как нечто неподвижное, а которое было, действительно, могучим инструментом, поворачивающимся в руках тов. Ленина то в ту, то в другую сторону, как этого требовала практическая действительность. Это был такой марксизм, для которого, вульгарно выражаясь, нет ничего святого, ничего, кроме интересов социальной революции. Это есть такой идеологический инструмент, который не знает никаких фетишей и который отлично понимает значение любой тео-

ретической доктрины, любого выступления, любого отдельного теоретического положения, который не знает абсолютно ничего застывшего. Как подходил Владимир Ильич к целому ряду вопросов? Когда у нас в партии, или за пределами партии возникали какие-нибудь теоретические уклоны от марксизма, он сразу подходил к ним с определенной практической меркой, потому что отлично увязывал теорию и практику и отлично расшифровывал всякую словесную оболочку. Я сказал выше, что если у Маркса была алгебра капиталистического развития и алгебра революции, то у Ленина была и алгебра нового периода и, повторяю, арифметика. Но я вам приведу один пример, на котором мне придется потом еще остановиться в другом логическом звене. Анализ марксова „Капитала“ ведется таким образом, что из этого анализа в значительной мере удаляется к р е с т ь я н с т в о, потому что это не есть специфический класс капиталистического общества. Это есть самая высокая алгебра. Ясное дело, что для арифметического действия тут нужны другие вещи. И, вот, то, что отличает Ленина, это есть соединение алгебры на более высокой ступени обобщений, которая в математике соответствует общей теории чисел или теории многообразия, и, с другой стороны, арифметики, то-есть арифметического расшифрования алгебраических формул, соединение большого и малого, какой-нибудь заботы (в области практической), заботы об электрификации, и заботы о сбережении какого-нибудь маленького гвоздика, и, с другой стороны, в области теоретической — занятие крупнейшими проблемами теоретическими, начиная от философских проблем, и в то же время выслеживание, выуживание каждой неправильно теоре-

тически сформулированной мелочи, которая может быть опасна при дальнейшем развитии. Вот это умение видеть эпоху и видеть каждую малейшую деталь, анализировать, рассматривать такие вопросы как вопрос о „вещи в себе“, и в то же время понимать теоретическое значение какой-нибудь формулировки в какой-нибудь резолюции, — вы помните все, что Ленин писал целый ряд страниц о том, как не надо писать резолюции, в своей брошюре о двух тактиках, — вот, эта громаднейшая способность видеть все в таких разрезах, когда самое большое и великое, и самое мелкое, малейшие детали, когда все это устанавливается на шахматной доске политической стратегии и теории в тех местах, где они должны быть установлены с точки зрения интересов рабочего класса и с точки зрения практического политического действия, вот эта способность нашла свое выражение в замечательном синтезе, объединяющем теорию и практику.

Вопрос об империализме.

Теперь, товарищи, я перехожу к тому, чтобы более конкретно остановиться на некоторых вещах, которые имеют значение с точки зрения, главным образом, того нового, что Владимир Ильич сюда внес. Основной из основных вопросов, это — вопрос об империализме. Вопрос об империализме сформулирован у Владимира Ильича в его известной работе, пересказом которой и изложением краткого содержания которой здесь заниматься совершенно не надо. Но, товарищи, я обращаю ваше внимание вот на что. Вы не можете назвать из области теоретических работ, касающихся

империализма, ни одной такой работы, которая была бы так актуальна, как работа Владимира Ильича, потому что там всякое любое теоретическое положение и цифровые иллюстрации этих теоретических положений связаны с теми практическими политическими выводами, которые из них Владимир Ильич делает.

Это есть не простой анализ, теоретический анализ определенной эпохи, но этот анализ взят под таким углом зрения, что совершенно ясно, сразу, намечаются те пути, по которым рабочий класс должен итти в связи с развитием класса господствующего, в связи с анализом империализма. Мы имеем еще один важнейший для нашей эпохи вопрос, который не получил своего разрешения в какой-нибудь теоретической книжке. Это вопрос национальный и вопрос колоний, колониальный вопрос. Нужно заметить, что здесь, мне кажется, Владимир Ильич произвел теоретически громаднейшую работу. Повторяю, у нас нет такой книжки, где все было бы сведено и систематизировано. Но мы имеем в целом ряде его сочинений совершенно правильную постановку вопроса и национального и колониального, постановку, которая подтверждена целиком нашей практикой. Здесь, действительно, Владимир Ильич создал целую школу. Суть дела заключается в том, что степень абстракции у Маркса была в очень многих вопросах настолько велика, что нужно было установление целого ряда промежуточных логических звеньев, чтобы сделать непосредственные практические выводы. Я уже упоминал: в „Капитале“ ведется анализ трех классов. Там не крестьянин наш, там берется абстрактное капиталистическое общество, проблемы его не связываются с такими вещами,

как мировое хозяйство, столкновение различных капиталистических тел, проблема государства, поскольку оно находится в руках нашего врага, вопрос о роли государства в экономической жизни страны; т.-е. ряд вопросов, более конкретного порядка, в „Капитале“ не анализируется. Для того, чтобы привести эту теоретическую систему к практическому действию, в особенности в нашу эпоху, нужно было образование целого ряда промежуточных логических звеньев, которые сами собой представляют очень крупные теоретические вопросы. Те, кто занимался вопросами колониальной политики в эпоху оппортунизма, они, за очень немногими исключениями, принадлежали к наиболее ярым ревизионистам, больше всего занимались апологией капиталистического культуртрегерства в колониях. У Маркса был целый ряд замечаний об Ирландии, целый ряд общих соображений, но поставить вопрос во всей его широте Маркс не мог тогда, потому что тогда проблема не была дана с той остротой, которая была ей придана потом, а эпигоны не могли по самой сути дела этого сделать, потому что это было святая святых буржуазной политики того времени и прикоснуться какому-нибудь неосторожному пальцу к этой проблеме было нельзя. На авансцену выступали господа Гильдебрандты, люди этакого типа, которые развивали всякие „марксистские“ теории по отношению к колониям, для того, чтобы оправдать политику капиталистического государства. И в этом отношении школа Ленина, которая, действительно, создавалась, произвела полный переворот. Практическое ее значение теперь совершенно ясно. Может быть оно в начальной стадии своего развития, это ленинское учение о национальном

и колониальном вопросе, не всегда и не всеми было осознано, но теперь его смысл ясен. Мы имеем перед собою конкретно мировую войну и государства, находящиеся в периоде распада, которые нужно, по ницшеанскому правилу, подтолкнуть. Для того, чтобы их подтолкнуть, нужно поддержать все элементы распада этих тел, сепаратизм колониального, национального движения, т.-е. все те разрушительные силы, которые объективно ослабляют мощь того железного государственного величия, государства, которое представляет из себя наиболее могущественную потенцированную силу буржуазии. Отсюда такие вещи, которые многие из нас не понимали, в области как чистой теории, так и практического лозунга: право наций на самоопределение. В области чистой теории — прогноз, что в ближайшую эпоху мы будем иметь целый ряд промежуточных революций, колониальных восстаний, национальных войн, борьбы за свободу какой-нибудь нации против великодержавия и проч. теоретические прогнозы, которые соответствуют ряду промежуточных ступеней в общем процессе распада капиталистических отношений, — все это прогнозы, которые опираются на очень продуманные теоретические положения. Они были даны Владимиром Ильичем. Я советую прочесть интересующимся этой стороною дела полемическую статью Владимира Ильича против Розы Люксембург, которая была написана во время войны. И можно удивляться, каким образом тончайшие переходные моменты, которые громаднейшее большинство из нас, если не все мы, увидели позже, когда это стало фактом, были теоретически преподнесены Владимиром Ильичем. Почему? Потому, что он был ловким тактиком и стратегом. Откуда это?

Потому, что он опирался на огромное теоретическое предвидение, которое, в свою очередь, было результатом необычайно продуманного анализа существующих капиталистических отношений во всей их сложности и конкретности. Это теперь совершенно ясно. И точно так же для другого периода развития, когда рабочий класс уже берет власть и ведет борьбу с великодержавием, необходимо было сделать все возможное для понимания всех тех остатков, которые выражают собой продукт распада старых великодержавных империалистических отношений, исторической силы их инерции, всего того, что должно быть теоретически учитываемо, для того, чтобы быть уничтожено впоследствии, — все это суть вопросы, которые были совершенно неразработаны. Решения этих вопросов разбросаны в целом ряде статей Владимира Ильича так, что мы теперь имеем полную возможность до конца понять его идеи и делать из этих идей таран против буржуазно-капиталистического общества, — с одной стороны; а с другой стороны, строить, пользуясь рычагом пролетарской власти, на других принципах новые политические образования, из которых самым крупным является наш Советский Союз. Итак, мы имеем здесь соединение теории с практикой на основе новых явлений, которые являются как продуктом распада, с одной стороны, так и продуктом нового строительства, с другой стороны. И все это подытожено в определенную теоретическую систему. Это вещь абсолютно не маленькая, и она послужит нам в дальнейшем, в течение ряда ближайших десятилетий, одним из важнейших теоретических и практических орудий. Если мы вспомним, какую роль еще в общем процессе распада теперешних капита-

листических отношений будут играть и колониальные восстания и национальные войны, если мы мысленно продолжим процесс революции на другие континенты, перенеся его из Западной Европы, то мы представим себе, какое могущественное орудие дает теоретическая система Владимира Ильича в этом вопросе и какую огромную силу и методы организации масс и введения их в бой представляет собой то учение, которое разработано Владимиром Ильичем в области национального и колониального вопросов.

Ленин о государстве.

Я думаю, что следующим теоретическим вопросом, на котором мы должны остановить наше внимание, является вопрос относительно государства в период социалистической революции. Здесь, само собой разумеется, принципиально нового в концепции тов. Ленина не было, но его громаднейшая заслуга заключается в том, что он, с одной стороны, восстановил подлинное учение Маркса относительно государства и его роли в период социалистической революции,—я имею в виду теорию разрушения государственной власти и объективно исторической необходимости распада государственных связок,—а, с другой стороны, дал конкретизацию вопроса или, можно сказать, арифметическое расшифрование вопроса о пролетарской диктатуре, то-есть учение о Советской власти, как о форме рабочей диктатуры. Сейчас уже для нас эта сторона дела представляется настолько ясной, что как будто бы об этом не нужно говорить ни одного лишнего слова. Она для нас представляется трижды ясной, потому что мы сами, своими соб-

ственными руками государство построили на новой классовой основе и по другим принципам строительства; но нам нужно вспомнить прошлое, взять само собой разумеющееся, что сейчас так ясно для нас, в некотором историческом контексте, в некотором историческом развитии. Если мы возьмем старую „марксистскую“ литературу по этим вопросам, мы здесь увидим совершенно беспросветное искажение марксова учения. Не только ни одной новой мысли, которая могла бы быть названа дальнейшим развитием марксистской теории государственной власти, или марксистской теории права, или вопроса относительно изменений этих категорий в переходный период, но о самом процессе социалистической революции, о положении вещей после социалистической революции, здесь ни одного слова мы не нашли бы. Восстановить точное подлинное учение Маркса, конкретизировать это самое учение, то-есть дать конкретную оболочку учению о рабочей диктатуре, это была узловая задача рабочей идеологии, потому что, само собой понятно, вопрос об отношении к государственной власти являлся и является сейчас центральным вопросом, является вопросом всех вопросов. Отношение к враждебному нам классу, революционное отношение к враждебному нам классу, есть в первую очередь и в первую голову отношение к самой могущественной, наиболее централизованной и наиболее рационально построенной организации этого господствующего класса, каковой является его государственная власть. С другой стороны, всякому совершенно ясно, что основным рычагом для переустройства общества на некоторых новых началах, динамической силой, переустраивающей существующие производственные отношения, является новая государственная

власть, выдвинутая и организованная победоносным рабочим классом. Тут имеется целый ряд вопросов подсобного характера и теоретических и практических. Сумма их в общем и целом дана в известной книжке Владимира Ильича: „Государство и Революция". Но это развитое Владимиром Ильичем учение не есть просто возврат к той точке зрения, которую развивал сам Маркс. Это есть синтез старой марксовой, ортодоксальной точки зрения с теоретическим обобщением целого ряда новых фактов и с предвидением того, чего еще не мог предвидеть Маркс, когда он жил и писал свои работы. Этот вопрос, как я уже говорил, является узловым вопросом революционного рабочего движения, является центральным вопросом современности и недооценивать этой теоретической работы Владимиром Ильичем ни в коем случае нельзя. Само собой разумеется, что был решен и вопрос о демократии, который эпигонами марксизма, марксистами социал-демократического пошиба и II Интернационала, был совершенно фетишизирован, превращен в слепую догму, совершенно оторван от своей исторической базы, и поэтому приводил к абсолютно неправильным, исторически реакционным, практическим, политическим выводам. Советская власть сейчас есть вещь, которая признается de jure нашими наиболее крупными ожесточенными противниками из буржуазного лагеря. Теоретическое и практическое значение этой идеи, этого учения о Советской власти, оно поистине громадно. Если мы возьмем лозунги, бесчисленное количество лозунгов, которые циркулируют сейчас во всех частях света, то, несомненно, одним из самых популярных лозунгов, то-есть таких, которые охватывают, влекут за собой и организуют наиболь-

шее количество народа, рабочего класса, является лозунг Советской власти. Вы вспомните то время, когда Владимир Ильич впервые к нам приехал в Россию после долгих лет эмиграции, вспомните, какая встреча была оказана известным апрельским тезисам Владимира Ильича, когда часть нашей собственной партии и притом не малая часть нашей собственной партии, увидела в этом чуть ли не измену обычной марксистской идеологии. Ясное дело, что здесь ничего противоречащего марксизму не было. Наоборот, совершенно для нас теперь ясно, что это было развитие марксистского учения, ортодоксального марксистского учения о диктатуре пролетариата. Совершенно теперь ясно, что Советская власть есть наиболее жизненная форма существования рабочей диктатуры, которая имеет целый ряд громаднейших практических преимуществ для победоносного рабочего класса. Но в то же время, если мы сравним это всеобщее признание с той встречей, которая была оказана первоначально формулировке Владимира Ильича даже в наших собственных партийных рядах, не говоря о рядах наших противников, то мы поймем, какое громаднейшее практическое и теоретическое слово было сказано здесь тов. Лениным. Часто так бывает при бешеном темпе жизни, что очень многое новое становится само собой разумеющимся. Но когда мы производим историческую оценку этого нового, нам нужно позабыть, что мы к этому привыкли; надо всомнить, что было до сегодняшнего дня, как была встречена эта теоретическая концепция, и как были встречены ее практические выводы, которые из нее проистекали. Повторяю, они были не только не встречены всеобщим признанием, наоборот, они вызвали ожесточенные на-

падки. Теперь они пользуются всеобщим признанием, и это является показателем того, что и с точки зрения теоретического продумывания вопросов пролетарской диктатуры, теории государственной власти, норм этой государственной власти, и с точки зрения практической, здесь, действительно, было сделано нечто грандиозное. Имейте в виду, что это не есть только практический вопрос, хотя я и говорил, что единственно решающим для нас в конце концов является практика. Это есть и огромный теоретический вопрос, потому что учение о формах господства классов и для буржуазии вопрос и теоретический и практический; вопрос о формах ее господства представляет выдающийся интерес, точно так же, как и для рабочего класса, только для рабочего класса во много и много раз больший интерес и большие трудности, потому что различные вариации государственной власти буржуазии имеют некоторую историческую преемственность, пролетариат же этой власти никогда еще не имел. Буржуазные государства сложились давным-давно. Различные изменения в их структуре, переорганизация государственных аппаратов — опираются на громаднейшую, длиннейшую традицию. Устанавливались формы, государственный режим, приобретался громаднейший опыт и т. д., и т. д. Рабочему же классу приходится строить наново, без предварительной проверки. Он не имеет своего непрерывного государственного бытия и, следовательно, не имеет непрерывных форм этого государственного бытия. Ему приходится здесь строить совершенно на-ново. И то обстоятельство, что была найдена конкретная форма диктатуры пролетариата, которая оказалась жизненной, оказалась великолепной по своей устойчивости и обна-

ружила способность к сопротивлению всем враждебным влияниям и наскокам, все это говорит за громадность той теоретической заслуги и тех практических выводов из этих теоретических предположений, которую мы должны вменить Ленину, поскольку он является теоретиком рабочего государства.

Ленин и крестьянство.

Наконец, дальше важно поставить вопрос о рабочем классе и крестьянстве. Этот вопрос в нашей практической политике играет роль, о которой не нужно распространяться. Но чем дальше мы идем вперед в развитии революции в других странах, тем больше мы видим, что этот вопрос имеет не только русское значение, что этот вопрос имеет громаднейшее значение для целого ряда других стран и, можно сказать, что страны, в которых этот вопрос не имеет большого значения, составляют исключения: можно по пальцам пересчитать те страны, где бы крестьянский вопрос в его сочетании с вопросом о революции не играл самой выдающейся роли. Конечно, основы для решения этого вопроса были заложены в обще-марксистской теории. Само собою разумеется, что методология для решения этого вопроса имеется в обще-марксистских построениях, Мы знаем формулу Маркса по отношению к Германии, где он говорит о желательном счастливом сочетании сил с точки зрения победоносной рабочей революции, когда пролетарская революция совпала бы с крестьянской войной. Маркс предвидел события, наиболее благоприятные с точки зрения развития победоносной рабочей революции. Но специальная разработка этой проблемы, которая

с точки зрения стратегии и тактики классовой борьбы является первостепенной проблемой, — эта разработка принадлежит Владимиру Ильичу. Конечно, многое здесь объясняется тем, что Владимир Ильич родился, рос и действовал в первую очередь в такой стране, где, уже в силу социально-экономического строения, крестьянский вопрос не мог не обратить на себя громаднейшего внимания. Но имейте в виду, что здесь речь шла не о простом констатировании этого факта, а о действительной, чрезвычайно глубокой разработке этого вопроса, начиная от самых основных глубинных теоретических вопросов, кончая практически-политическими выводами. Владимир Ильич был, мне кажется, самым выдающимся аграрным теоретиком, который есть в среде марксистов. Аграрный вопрос в сочинениях Владимира Ильича представляет из себя вопрос, которому были посвящены лучшие страницы в писаниях и работах Владимира Ильича. С самого начала своей сознательной деятельности, как экономист и статистик, Владимир Ильич стал заниматься аграрным вопросом, и здесь ряд проблем самого абстрактного порядка, как вопрос об „убывающем плодородии почвы", об асолютной ренте, и т. д. и кончая вопросами практического характера, которые идут все по линии соотношения между рабочим классом и крестьянством,—все эти вопросы были самым детальнейшим образом проработаны и разработаны Владимиром Ильичом Мне кажется, никем не было сделано так много и так существенно много важного, как Владимиром Ильичем, в этой области, в области аграрного вопроса. Опять-таки, если бы перед нами была другая эпоха и если бы перед нами речь шла только о амой высокой степени абстракции, то можно было бы ограничиться и анали-

зом абстрактного капиталистического общества, где какой-нибудь остаток феодальных отношений, как крестьянство, не играет существенной роли и может быть выброшен из анализа. Но как только речь идет о том, чтобы начать расшифровывать алгебраические формулы и превращать их в формулы арифметические или в формулы некоторой категории, которые можно мысленно представить, как занимающие некоторое промежуточное положение между алгеброй и арифметикой,—то сейчас же вы упретесь в этот вопрос: осознание того, что рабочий класс должен в период социалистической революции иметь на своей стороне какого нибудь союзника, который представляет из себя большую народную массу—осознание этой проблемы привело к анализу аграрного вопроса. И учение Владимира Ильича о союзе рабочего класса и крестьянства, о соотношении между этими классами — это есть один из краеугольных камней того специфического, что внес Владимир Ильич в обще-марксистское учение. Притом, здесь очень интересно отметить тот факт, что это учение выработалось в борьбе на двух фронтах: с одной стороны, выработалось в борьбе против народничества, с другой стороны, оно выработалось в борьбе против специфически либерального, если так можно выразиться, „марксизма". На двух фронтах боролся и теоретически, и практически Владимир Ильич, и эта борьба на двух фронтах с политической точки зрения, с точки зрения революционной практики, находит себе совершенно достаточное и понятное объяснение, потому что здесь решался вопрос о союзнике рабочего класса; для рабочего класса, в целях победоносного развития социалистической революции, этот вопрос был связан с другим ко-

ренным вопросом, с другой коренной проблемой, которая должна быть и теоретически и практически осознана,—с вопросом о гегемонии пролетариата. Нужно было прощупать теоретически такое положение, которое дало бы возможность высвободить крестьянство из-под влияния либералов и всяческой иной буржуазии и соединить его с рабочим классом: крупнейшим практическим вопросом, который разделял нас с меньшевиками и эс-эрами, был следующий вопрос: рабочий класс с либеральной буржуазией, или рабочий класс с крестьянством, или крестьянство, как стоящее над всеми группировками. Народническая радикальная группа ставила в первую голову крестьянство. Либеральное народничество стояло за смычку с либеральной буржуазией, которая должна была быть гегемоном над крестьянством. Меньшевистская формулировка стояла за поддержку рабочим классом либеральной буржуазии.

Из всех этих комбинаций единственно правильной была комбинация из рабочего класса и крестьянства, но такая, где рабочий класс ведет за собой крестьянство. Это был практический фон для целого ряда теоретических проблем. Под этим углом зрения Владидир Ильич рассматривал и ставил все проблемы, которые объединялись под общим названием „аграрный вопрос“ в его целокупности, в его большом историческом масштабе, во всех своих деталях и производных, вытекающих отсюда, вопросах. В этом отношении мы тоже должны сказать, что этому вопросу предстоит играть еще колоссальную роль в будущем, потому что, если он с одного бока связан с вопросом о гегемонии пролетариата, то с другого бока связан с национальными и колониальными вопросами. Если мы

приподнимемся над теперешней нашей планетой и посмотрим на всю расстановку игры в международном масштабе, на всю Европу в целом, на промышленные части Америки, если сравним всю Западную Европу в целом со всеми колониями, с Китаем, Индией, с остальной колониальной периферией, то, совершенно ясно, что национальное революционное движение и колониальное движение, сочетание этих движений есть другая формулировка вопроса о соотношении рабочего класса, с одной стороны, и крестьянства, с другой. Ибо если Западная Европа в общих рамках мирового хозяйства представляет из себя великий город, собирательный город, то колониальная периферия капиталистических стран представляет из себя великую деревню. И поскольку на историческую арену выступает индустриальный пролетариат промышленных стран, поскольку он объединяет свои силы для нападения на капиталистический режим, поскольку он вводит в бой целые миллионы и будет вводить еще в большей степени миллионы всех колониальных рабов, постольку эти миллионы колониальных рабов есть не что иное, как тот же крестьянский резерв нашей международной революции. Поэтому проблема об отношении рабочего класса к крестьянству подводится здесь к другой проблеме, о которой я уже упомянул, к вопросу о нациях, о национальных войнах и колониальных восстаниях.

Таким образом, товарищи, этому вопросу предстоит сыграть еще колоссальнейшую роль. Первые основные слова здесь были сказаны тоже ленинской школой. Разработка вопроса, краеугольные камни теоретической концепции и основные линии, которые здесь намечаются, несомненно, даны Вла-

димиром Ильичем. О гегемонии пролетариата и о руководящей роли рабочего класса, я полагаю, говорить здесь излишне, потому что это есть теоретический пункт, который всем нам известен и который не нуждается ни в каких комментариях.

Таковы, в общем и целом, теоретические вопросы с их практическими выводами, которые были поставлены и разработаны Владимиром Ильичем и из которых были сделаны общие тактические выводы. Общее здание уже построено, нам нужно его доделать, нам нужно детально разработать, учесть, конечно, те новые факты, то оригинальное, что принесет нам развитие последующих лет.

Стоящие перед нами теоретические проблемы.

Ставя вопрос очень обще, мы найдем, примерно, около пяти основных теоретических проблем, которые наметил Владимир Ильич и которые нам необходимо разработать. Это, во-первых, учение, или намечающееся учение о врастании в социализм после победоносной рабочей революции. Вообще говоря, этот термин „врастание в социализм“ является для нас термином в высокой степени ненавистным. Он был ненавистен, потому что это был термин, обозначавший учение ревизионистов, эпигонов марксизма, или, если хотите, изменников марксизма, которые создали целую теоретическую конструкцию о том, что революция не необходима, что она вовсе не вытекает из объективного хода исторического развития и можно прекрасно рабочему классу обойтись без революции, потому что органическим путем, без катастроф, в силу внутренно присущих условий самого капиталистического развития, ка-

питализм переходит в такие формы, которые соответствуют социалистическим; пролетариат постепенно раздвигает свои щупальцы в разных направлениях, и в области экономической жизни, и в области государственного администрирования, и, таким образом, в конечном счете рабочий класс займет свои стратегические позиции и в государственном аппарате, и в области экономического хозяйства без революции, без диктатуры пролетариата.

Это учение всем вам хорошо известно, оно обозначалось ярлычком „врастание в социализм". Но, товарищи, после диктатуры пролетариата, ведь, начинается органический период развития. Если вы уже имеете завоеванную рабочую диктатуру, то, совершенно ясно, что меняется вся постановка вопроса, радикально, принципиально меняется, как и очень многих других вопросов. И вот, когда мы хотим поставить перед собой вопрос, что же должно происходить после завоевания власти рабочим классом (само собой разумеется, поскольку мы берем изолированно одну страну) речь идет о том, что внутри этой страны дальнейшее развитие к социализму идет эволюционным путем и не может иначе итти; то-есть, другими словами, после завоевания власти рабочим классом и начинается действительное врастание в социализм. Владимир Ильич этого точно не формулировал. Но можно привести бесконечное количество мест из сочинений Владимира Ильича для того, чтобы иллюстрировать эту мысль. Особенно, в своих последних статьях, например, в статье, где речь идет о кооперации, он прямо говорит, что если в предыдущий период исторического развития осью наших стремлений являлась наша революционная линия, линия катастроф, то теперь,

в теперешний период нашего строительства, осью нашей политики является мирная организационная работа. Этой формулировкой он говорит то же самое, что я сейчас только что сказал, но само собой разумеется, что это нужно разработать, осмыслить по ряду направлений, ибо здесь вопросов бесконечное количество. Речь идет об эволюционной борьбе хозяйственных форм, речь идет об определенном процессе сперва восходящей государственной кривой, а потом нисходящей, опять эволюционным путем. Мы должны сперва укрепить, сделать сильной организацию господствующего пролетариата, должны сплотить пролетарскую диктатуру, а затем таким же эволюционным путем эта государственная организация начнет отмирать. Никакой третьей революции здесь быть не может. И обратно: всякое катастрофическое выступление против такой системы пролетарской диктатуры объективно есть не что иное, как контр-революция. Именно потому, что рабочее государство есть государство совершенно особого типа, точно так же, как и наша армия, которая в самой себе таит зародыш своего собственного эволюционного уничтожения,—именно поэтому весь порядок развития выстраивается в оригинальный эволюционный ряд. И действительно, после завоевательного периода, после начала пролетарской диктатуры, это врастание в социализм только и начинается. Само собою понятно, что здесь должна быть особая закономерность, и изживание противоречий этого периода должно радикально отличаться от изживаний противоречий капиталистического периода. И это по очень простой причине. Потому что, если капиталистическое развитие есть не что иное, как расширенное воспроизводство капиталистических противоречий, которые исчезают в один

период, для того, чтобы появиться в другой, и каждая группа следующая, каждый следующий цикл, сопровождается обострением всех противоречий, которые упираются в крах всей системы, — в то время в новом ряде развития, который начинается от рабочей диктатуры (я не говорю о возможности уничтожения рабочей диктатуры извне, как в Финляндии) мы имеем перед собою натуральный ряд, где развитие противоречий с известного времени начинает изживаться, т.-е. мы будем иметь перед собою не расширенное воспроизводство противоречий нашей системы, а все уменьшающееся их воспроизводство, и эволюционным путем это воспроизводство системы превращается в развертывание коммунизма. Весь характер развития принимает совершенно иной смысл, иное принципиальное значение, чем при капитализме. Можно указать несколько мест из сочинений Владимира Ильича, которые подтверждают эту мысль. Это есть какая-то новая полоса в теоретическом построении, с формулировкой новых закономерностей, отличных от тех, которые были в капиталистический период развития. Это новое, — но совершенно ясно оно имеет свои практические и политические выводы.

Если брать совершенно конкретные вопросы о НЭП'е в нашей теперешней российской обстановке, то совершенно ясно, что из этих теоретических посылок нужно сделать целый ряд выводов. Мы преодолеем НЭП не путем разгрома лавок в Москве и в провинции, а путем преодоления его конкуренцией и растущей мощью нашей государственной промышленности и государственных организаций. Я беру очень маленький примерчик, но вы увидите, что тут есть сумма теоретических и практических вопросов совершенно но-

вого порядка, которых мы раньше не ставили, потому что раньше наша социальная позиция была позицией разрушителей. Мы были самыми решительными, смелыми и последовательными разрушителями данной системы, а теперь мы являемся самыми последовательными строителями другой системы. Аспект другой, сумма практических и теоретических вопросов другая. Ясно, что тут никакого разрыва со старой марксистской традицией нет, потому что речь идет о продолжении и применении марксистского метода в совершенно новых условиях, которые в своих конкретностях не были известны ни Марксу, ни Энгельсу, по той причине, что не было эмпирических данных, которые позволяли бы делать те или иные обобщения.

В связи с этим, мне кажется, приобретает очень крупное значение вопрос, подлежащий разработке, который должен быть разработан с теоретической точки зрения, вопрос о *культурной проблеме* в переходный период. Я думаю, что это вопрос, положения о котором рассеяны у Владимира Ильича в целом ряде работ: сюда нужно привлечь и речь его на съезде молодежи, и по вопросу относительно роли специалистов и использования их, и речь Владимира Ильича и его положения относительно коммунистического просвещения, и вопрос о сочетании так называемой пролетарской культуры со старой культурой, и определенную преемственность в этом отношении. Вся сумма этих вопросов тоже подлежит теоретической разработке, это есть точно так же одна из крупнейших проблем современности, и я полагаю, что можно уже теперь сказать, что и здесь некоторые основы в теоретической концепции Владимира Ильича уже заложены. Нам нужно продолжать это дело. Вопрос

этот опять-таки совершенно новый, его никто не ставил и не мог ставить в предыдущую фазу исторического развития. И у самих революционных марксистов, и у самого Маркса этого не было. Это задача—новая задача нашего грядущего.

Затем третий вопрос, который бы я назвал вопросом о различных типах социализма. У нас социализм спустился с облаков на землю или, по крайней мере, приблизился. Это актуальнейший вопрос. Как мы ставили вопрос о социализме раньше и как он ставился у Маркса? В одном из писем Маркса сказано таким образом: „Мы знаем отправной пункт и тенденцию развития". Это была совершенно безошибочная и правильная формулировка. Теперь возьмите последнюю статью Владимира Ильича относительно кооперации и разберите выставляемые им положения. Анализируя прежние взгляды на кооперацию, Владимир Ильич говорит, что теперь, с переходом власти к рабочему классу, постановка вопроса принципиально изменилась, что если бы мы кооперировали крестьян под гегемонией рабочего класса, это было бы осуществлением социализма. Но эта формула не будет годиться в такой степени для Советской Англии. И Владимир Ильич неоднократно подчеркивал, и в частных разговорах, и в речах, статьях, документах, работах, что нам нужно быть осторожными с навязыванием таких формул для других стран. Тут может быть больше оригинальности в типе строющегося, оригинальности, которая вытекает из того, что социализм строится на том материале, который дан. Яснее ясного, что капиталистический режим, находящийся на пороге своей гибели, имеет общие законы капиталистического развития; но несомненно также, что при общих чертах в капи-

тализме разных стран капитализм в одной стране имеет специфическую организацию, в другой—другую. Если капитализм даже в период своего упадка, когда он в своем цикле развития, продолжавшемся несколько сот лет, при страшной силе действующих нивелирующих тенденций, сохранил существенные оригинальные черты в разных странах, — то само собою разумеется, эти оригинальные особенности будут и при строительстве социализма, потому что отправная точка этого развития есть не что иное, как капитализм.

И революция в разных странах имеет свои оригинальные черты, и строительство социализма неизбежно должно иметь свои оригинальные черты. Если у нас роль крестьянства была так громадна, то этого нельзя будет сказать относительно Англии, потому что у нас другой был капитализм, другая была социально-экономическая скруктура, другое было соотношение между классами, у нас иной был мужик и поэтому, совершенно естественно, что отправная точка для развития социализма другая, и те промежуточные формы, которые пройдет развитие социализма вплоть до его превращения в универсальную мировую коммунистическую систему, эти формы будут чрезвычайно различны. Вот этот вопрос подлежит теоретической разработке, он является основанием, и из этого основания необходимо сделать практически-политические выводы. Когда Владимир Ильич работал в Коммунистическом Интернационале, то одним из его предостережений нам, которые работали там, было, чтобы ни в коем случае не упускали оригинальности развития, чтобы не шаблонизировали, чтобы умели выделять, умели видеть самое общее и в то же самое время и частности, которые

иногда играют решающую роль в деле дальнейшего продвижения по пути к коммунизму. Вот, это есть третий ряд тех вопросов, которые намечены Владимиром Ильичем в основе решены, которые нам нужно разработать и конкретизировать.

В связи с вопросом о крестьянстве и о рабочем классе выступает также весьма оригинальная проблема, которая подлежит теоретическому анализу. В одном из семинариев, где я занимался, эту проблему выдвинул один из товарищей, тов. Розит. Мне кажется, что эта постановка вопроса заслуживает теоретического внимания, и для нее Владимир Ильич точно так же сделал очень много. Это есть вопрос о теоретическом анализе двухклассового общества при рабочей диктатуре. Это—рабочий класс и крестьянство. Если капиталистический режим занимался, главным образом, вопросом об анализе трехклассового общества, рабочего класса, буржуазии и землевладельцев, если там так велся абстрактный анализ, то сейчас для теории чрезвычайно интересна постановка вопроса о двух классах, о рабочем классе и крестьянстве, при уничтожении помещичьего землевладения, при экспроприировании буржуазии. Само собой разумеется, что тут по мере приближения к конкретному пути будет напрашиваться целый ряд очень значительных коррективов, которые страшно могут видоизменить картину и теоретически, и практически. Но этот вопрос идет по той же линии, как и вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства, потому что эти классы суть не что иное, как классовые носители определенных хозяйственных форм. Это не есть просто некоторые социальные силы и больше ничего. Каждый класс есть носитель свойственных ему хозяйственных форм. Если

мы говорим о крестьянстве и берем его, как социально-классовую категорию, то не нужно забывать, что это крестьянство есть носитель определенной формы производственных единиц, которая может одолеть нас, развиваться по нежелательному для нас пути и которая может пойти по пути, по которому мы *хотим* ее вести. Следовательно, здесь социально-классовая точка зрения имеет свое чисто экономическое значение, подоснову, и вопрос о соотношении классов есть в то же время и вопрос о соотношении хозяйственных форм. Вопрос о гегемонии пролетариата над крестьянством, это есть в то же время и вопрос о соотношении между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством. Само собой понятна вся важность этого вопроса и, мне кажется, что та постановка вопроса, о которой я здесь говорил, заслуживает очень большого внимания.

Наконец, есть еще ряд вопросов, которыми также занимался Владимир Ильич, которые имеют громаднейшее значение для всех нас, для нашей партии и для рабочего класса. Напр., вопрос о всяческих, вырабатываемых в ходе нашего теперешнего общественного развития после пролетарской диктатуры, *противоречиях и вырабатываемых этими противоречиями тенденциях, враждебных нам*. Из того, что после рабочей диктатуры будет итти дело таким образом, что в общем и целом это будет эволюционный ряд, из этого не следует отнюдь, что мы не будем иметь, особенно в *первую* фазу рабочей диктатуры, чрезвычайно больших противоречий, которые в некоторые периоды развития могут даже *нарастать*. Если я говорю об общей линии возможного отмирания этих противоречий вплоть до коммунизма, то я

беру масштаб очень длинного пути, весь этот путь в общем; но из этого нельзя делать вывод, что в определенные конкретные исторические периоды, в особенности в начале этого пути, мы не будем иметь нарастания противоречий. Так вот, в связи с этим стоит вопрос о так называемой возможности перерождения для рабочего класса. Это вопрос политически чрезвычайно важный для нас. Владимир Ильич его ставил на съезде металлистов, Владимир Ильич его ставил неоднократно на целом ряде других собраний. Он первый говорил о возможности для некультурного пролетариата быть съеденным со стороны более культурной буржуазии, которая победит нас силами своего столь культурного тренажа. Он прямо говорил об этой опасности, которая, действительно, имеет для нас громаднейшее значение. Эта опасность заложена в противоречивых тенденциях нашего развития и противоречивого положения самого рабочего класса, который, с одной стороны, стоит внизу социальной пирамиды, а с другой стороны, стоит наверху социальной пирамиды. Это противоречивое положение рабочего класса, в свою очередь, вызывает целый ряд других противоречий, которые могут быть разрешены, удалены в течение очень многих лет, целых исторических полос. Эти вопросы поставил Владимир Ильич, эти вопросы в основе своей решены Владимиром Ильичем, эти вопросы нам нужно продолжать решать, делая соответствующие практические выводы. Эти проблемы, вопрос о том, что всякой революции, в силу того, что рабочий класс был культурно угнетенным рабочим классом, что всякой революции очень опасно внутреннее перерождение, которое должно быть и будет преодолено в силу противоборствующих тенденций; анализ этих тенденций, вредных и полез-

ных в их взаимной борьбе, и механики их сцеплений, — эти проблемы не могли быть поставлены в конкретной форме в середине прошлого столетия, они не могли быть поставлены в начале этого столетия. Но они могли и должны были быть поставлены тогда, когда получился известный накопленный материал, чтобы судить о конкретных формах этих опасностей и тех тенденций, которые мы должны поддержать, усилить, чтобы эти опасности преодолеть.

Я не могу останавливаться на ряде второстепенных вопросов и точно так же сейчас не могу останавливаться на вопросе относительно общих формулировок рабочей тактики и стратегии, потому что в этой прикладной области есть свои обобщения; в области прикладного марксизма, то-есть в области прикладной теоретики точно так же есть свои закономерности, как, например, в прикладной механике. Владимир Ильич в этом отношении сделал колоссально много, но нет ни одной книги, где бы все это было написано, разбито по §§ и преподнесено вам. Попыткой наброска этого общего учения стратегии и тактики является его книжка, относительно детской болезни левизны, которая сейчас читается нами совершенно другими глазами, чем раньше. Потому что, нужно сказать, мы здесь имеем зародыш или маленький набросок, вернее сказать, краткий набросок общего прикладного марксизма в революционную эпоху. В этой замечательнейшей работе даны все вехи для того, чтобы составить стратегию и тактику борьбы рабочего класса, по которым можно, как по конспекту, итти при изучении стратегии и тактики рабочего класса. И в этой области Владимиру Ильичу принадлежит пальма первенства, потому

что такого колоссального опыта в различных ситуациях, когда наша партия была маленькой групп-кой из нескольких человек, когда она выступила в 1905-м году на политическую арену, как полулегальная партия, когда она выступила в качестве загнанной в подполье партией, имеющей легальные щупальцы, когда она была совершенно нелегальной, когда она и наступала и отступала и т. д., и т. д. и стала, наконец, господствующей партией,— такого опыта нигде не было, такой пестрой игры различных сил, положений и ситуаций и вытекающих из них совершенно различных норм поведения, такого понимания оригинальности, такого выискивания разнородных ориентирующих путей,—вы ни у одного деятеля не встретите, ни в буржуазном лагере, ни у самого Маркса. По этому поводу не может быть никакого спора. Одна из составных частей этой общей суммы вопросов прикладного марксизма, которые можно объединить—это организационные или внутрипартийные вопросы. В этом отношении точно так же мы в учении у Ленина об организационном вопросе, о строительстве партии, о соотношении между партией, классом, массой и вождями и проч. мы имеем совершенно несравненные образцы, которые теперь проверены опытом нескольких революций и которые теперь вошли в значительной мере в сознание очень широких масс, которые являются совершенно прочным приобретением на время нашей классовой борьбы и которые станут ненужными только тогда, когда классовая борьба прекратится. В этом отношении и в этой области, в области прикладного марксизма, в области строительства партийной организации, соотношения партийных организаций со всеми другими организациями, с беспартийными массами и за пределами

класса, — в этом отношении, конечно, ничего лучшего у нас нет и не будет, потому что здесь захвачена новая эпоха, с ее некоторыми основными стержнями и механизмом движения победоносной рабочей революции. Мы сформулировали, что лучше ленинского в этом отношении мы не придумаем, но, конечно, здесь ленинская традиция продолжает применяться к конкретным обстоятельствам. Ленину ничего не могло быть противнее, как превращение ленинизма в догму. Он очень нехорошо отзывался о „старых" большевиках в дурном смысле слова, которые умеют по-попугайски повторять то, что было написано несколько лет тому назад. В частных разговорах он их называл — старыми дураками. Он печатно порывался прибегнуть к такой не совсем академической формулировке и решительно во всех своих построениях он требовал и от самого себя и от других, чтобы наряду с определенной методологией, определенным методологическим содержанием — все время учитывалась оригинальная конъюнктура. Тот, кто не учитывает движения событий, не учитывает оригинальной конъюнктуры, тот не создает ничего, ни теоретически, ни практически правильного. Нельзя ориентироваться в новых событиях без того, чтобы не видеть нарастания этого нового, потому что жизнь — есть вечное движение и она постоянно производит новые формы, создает новые ситуации и отношения. Чуять это новое — есть непременная обязанность и теоретика, и практика, есть обязанность всякого марксиста. И Владимир Ильич это новое чуял больше, чем кто бы то ни было. Если мы посмотрим на его деятельность и на теоретические формулировки и на практические лозунги, которые он давал, — мы видим то самое

бесстрашие, смелость, чуткость к этому новому, которая была поистине несравненна. Огромные повороты руля нашей партийной политики и соответствующие критические формулировки, которые или предшествовали или сливались с этими поворотами руля,—они представляли собой великолепнейший образчик марксистской революционной диалектики, которая не боится никаких изменений и на всякое изменение в сфере объективного отвечает соответствующим изменением, приспособлением к этому новому в тактике и стратегии пролетарской партии.

Очень часто обычно приравнивают Маркса к Ленину и ставят вопрос—кто больше, Маркс или Ленин. И отвечают, что Ленин больше в практике, а Маркс в теории. Мне кажется, что нет таких весов, которые могли бы взвесить такие крупные фигуры по той причине, что нельзя ни складывать, ни измерять величин разнородного типа, выросших в разных условиях, игравших разную роль. Нельзя этого делать. Постановка вопроса в корне ошибочна. Но одно мы можем сказать совершенно безошибочно, что эти два имени будут определять пути рабочего класса до тех пор, пока рабочий класс будет существовать, как таковой. Это совершенно ясно, и мы можем утешать себя мыслью после смерти Владимира Ильича, что мы жили, боролись, сражались и победили под постоянным руководством нашего великого учителя.

СОДЕРЖАНИЕ.

